

Все же хочу ответить на сомнения маленьких ангелочков. Я всегда считал, что для человека способность по-настоящему отпустить свое прошлое и заново прожить жизнь так, как он хочет, — это очень удачная и прекрасная вещь. Тан Сяотан не отобрал господина Сы у кого-то, а ускорил процесс любви между господином Сы и Тан Таном, позволив этим двум людям, обремененным сомнениями, быстрее увидеть свои истинные чувства и выразить свои эмоции. Если бы не Тан Сяотан, возможно, господин Сы все еще колебался бы, а Тан Тан продолжал бы молчать. Оба не сделали бы шаг вперед, прервали бы свои помыслы, и, возможно, это стало бы величайшей трагедией.

Подумав так, разве Сяотан не становится еще милее?

Кроме того, выделю ключевой момент: в этой главе упоминается, как Тан Сяотан отпустил Конфетку господина Сы. Кхм-кхм, я просто хочу сказать, что предыдущая история позволила Тан Сяотану научиться смело любить других. С этой главы Тан Сяотан должен примириться с собой, начать любить себя, найти себя, познать себя. В конце концов, самое сильное чувство безопасности даешь себе сам. Я всегда считал, что способность человека любить себя — это величайшая безопасность. Что ж, по-прежнему благодарю всех маленьких ангелочков за поддержку. Вот так, спокойной ночи, чмок.

Благодарю маленьких ангелочков, которые голосовали за меня или орошали живительной влагой с 2020-12-12 01:34:55 по 2020-12-13 01:24:16.

Благодарю бросивших гранату маленьких ангелочков: Тимошенко — 1 штука.

Благодарю орошавших живительной влагой маленьких ангелочков: Ии — 33 бутылки; Гу Вань — 5 бутылок.

Огромное спасибо всем за вашу поддержку, я буду продолжать стараться!

Тан Сяотан замер в оцепенении.

Он хрустнул оставшейся во рту половинкой медового лотоса с клейким рисом, проглотил и уставился на то самое кольцо, которое имело такое большое значение для Сы Ханьцзюэ. Густой сладкий сироп во рту и кольцо в поле зрения слились воедино, непонятно, откуда именно исходила эта сладость, проникшая прямо в самую глубину сердца.

Хотя Тан Сяотан и не понимал, почему он стал для хозяина утраченным и вновь обретенным, ведь конфетка всегда была рядом с хозяином!

Но это крошечное недоумение мгновенно смылось нахлынувшим волнением, не оставив и следа. Тан Сяотан моргнул, и восторг в его глазах было не скрыть, они сияли ярким светом.

— По... подарить конфетке? — Тан Сяотан протянул руку, осторожно коснувшись футляра для кольца. — Правда?

— Конечно, — сказал Сы Ханьцзюэ.

Выражение лица мужчины было спокойным, лишь в глубине души тихо добавил: надеюсь, бабушка, если ее душа на небесах, защитит Тан Сяотана и поможет ему поскорее выздороветь.

Едва эта мысль промелькнула, лежащий рядом телефон взвibriровал и засветился — звонил Цзян Юй.

Сы Ханьцзюэ встрепенулся. Цзян Юй знал, что сегодня он проводит время с Тан Сяотаном, и без важной причины не стал бы звонить, нарушая его редкий отдых.

Он взглянул на Тан Сяотана, который разглядывал кольцо то слева, то справа, слегка отвернулся и поднял трубку.

Голос Цзян Юя послышался сразу, довольно спокойный:

— Босс, доктор Цуй сказал, что сегодня у палаты Сяотана появился подозрительный человек.

Сы Ханьцзюэ краем глаза взглянул на ничего не подозревающего Тан Сяотана.

— Скорее всего, это люди Сы Чэна. Он видел Сяотана на аукционе и теперь наконец решил действовать.

Сы Ханьцзюэ хмыкнул, сказав Цзян Юю:

— Ничего серьезного?

— Нет, — Цзян Юй понял, что Тан Сяотан, вероятно, рядом, и потому старался выразиться как можно более завуалированно. — Я сначала поеду разобраться, ждите от меня новостей.

— Хм.

Разговор прервался. Тан Сяотан широко раскрыл глаза:

— Что случилось?

— Ничего, дела по бизнесу, — ответил Сы Ханьцзюэ.

...

Цзян Юй, только услышав новость, сначала забеспокоился, но, едва выйдя за дверь, почему-то необъяснимо его сердце успокоилось и вернулось на место.

Ведь там же доктор Цуй, чего бояться?

Тот доктор с элегантной и изящной внешностью, всегда в золотой оправе очков — он старший товарищ Тан Тана, а еще ключевой талант, выращиваемый в медицинской лаборатории, инвестированной Сы Ханьцзюэ — обязательно приложит все усилия, чтобы защитить Тан Тана.

Хотя так и было, Цзян Юй, вспоминая этого человека, все равно чувствовал головную боль и холодок по спине.

При первой встрече доктор Цуй как раз проводил операцию. Цзян Юю в тот момент не сиделось на месте, он подсмотрел в окошко операционной.

На больничной койке посередине операционной лежал человек с вспоротым животом. Высокий и худощавый хирург стоял спиной, взял у ассистента сверкающий холодным блеском скальпель и точным, резким движением вонзил его в брюшную полость пациента.

Врач выбросил кровавую массу неясных очертаний в ведро у своих ног, а окровавленный скальпель швырнул в расположенный рядом нержавеющей лоток с громким лязгом.

Цзян Юй рефлекторно вздрогнул.

Возможно, почувствовав, что за дверью кто-то наблюдает, врач медленно обернулся, обнажив пятна крови на белоснежном хирургическом халате.

Его лицо было скрыто светло-голубой медицинской маской, и потому миндалевидные глаза с приподнятыми внешними уголками казались особенно выразительными.

Из-за золотой оправы очков на него смотрел пронизательный взгляд, намертво зафиксировавший маленькую головку, подсматривавшую в окошко.

Ослепительный белый свет, лежащий на холодной больничной койке человек с вспоротым животом, сверкающий холодным блеском скальпель, покрытый кровью врач.

Кроваво-жестокое визуальное воздействие врезалось в память с того момента, и всякий раз, встречая доктора Цуя, Цзян Юй прежде всего вспоминал запечатленную тогда в мельчайших деталях мимолетную встречу взглядами.

Ощущение было такое, словно он случайно стал свидетелем сцены преступления какого-то маньяка-убийцы, да еще и был замечен преступником, которому оставалось лишь зловеще усмехнуться, снять маску, провести большим пальцем по горлу и, указав издалека, беззвучно пригрозить: следующий — ты.

Цзян Юй содрогнулся.

После окончания операции доктор Цуй, узнав, что его ищут, поспешил снять хирургический халат, тщательно вымыл руки и лицо, надел свежий белый халат и с мягкой улыбкой появился перед Цзян Юем. Тот смотрел на него, и в голове его на том красивом и милом лице отпечатались четыре больших иероглифа: благообразный негодяй.

И, словно желая подтвердить эти четыре иероглифа, доктор Цуй при каждой последующей встрече смотрел на него со странным, постепенно усиливавшимся интересом и зловещим выражением, словно охотник, забавляющийся с добычей.

Цзян Юй вздрогнул от собственных фантазий и обнаружил, что уже добрался до больницы. Он припарковал машину снаружи и вошел пешком.

Доктор Цуй уже ждал его у входа в больницу, в тонком белом халате, дыхание в холодном воздухе превращалось в туман. Увидев Цзян Юя, он показал улыбку, которую можно было назвать мягкой.

Цзян Юй почти что набрался смелости и подошел.

— Все в порядке? — начал Цзян Юй, пытаясь разрядить слегка неловкую атмосферу, взгляд скользнул по груди доктора.

Сегодня у врача был бейджик: на синем фоне под фотографией размером с удостоверение личности четко было написано его имя: Цуй Чжэ.

— Все в порядке, — ответил Цуй Чжэ.

Странно, но в тот момент, когда Цзян Юй увидел доктора, он уже знал, что ничего плохого не случилось.

Не только из-за положения доктора Цуя, но и потому, что, даже если первое впечатление было слишком кровавым, в утонченной, словно нефрит, манере Цуй Чжэ ощущалась твердая, внушающая уважение надежность.

Почти даже чарующая.

Цзян Юй кивнул, на его лице лег румянец от холода. Он опустил голову, стараясь не встречаться с Цуй Чжэ взглядом, и тихо спросил:

— Как дела у Сяотана?

— Очень стабильно, — тонкие губы Цуй Чжэ слегка приоткрылись. — И в последнее время несколько раз наблюдались колебания на энцефалограмме.

Пока они говорили, они уже вместе вошли в лифт. Цуй Чжэ нажал кнопку, опустив взгляд на почти что рядом стоящего Цзян Юя.

Ночь холодная, в больнице же по-прежнему шумно и многолюдно. Этот шум порожден рождением, старением, болезнями и смертью, гулкий и беспокойный, смешанный с запахом дезинфицирующих средств и неким неопределенным запахом тления.

В лифте было слишком много людей: пожилой человек в инвалидной коляске занимал больше половины пространства, остальные жались по углам. Цзян Юя толкнул впереди стоящий, и он точно и резко влетел прямо в объятия Цуй Чжэ.

— Осторожно, — Цуй Чжэ поддержал его за плечо, холодные пальцы случайно коснулись небольшого участка кожи под воротником.

Цзян Юй мгновенно покрылся мурашками и поспешил выпрямиться.

Раздался звук сигнала, лифт прибыл. Цзян Юй бросился к палате Тан Тана, словно спасаясь бегством.

Тан Тан по-прежнему находился без сознания. В палате было очень тихо, только приборы ритмично издавали тихие звуки. Юноша спал уже давно, но цвет его лица был не слишком бледным, даже присутствовал легкий румянец, выражение лица спокойное, больше похожее на сладкий, глубокий сон.

<http://bllate.org/book/15589/1395498>